

18+

Эжени
Лихтенштейн

Дачная жизнь
или Исповедь
Большевички

Эжени Лихтенштейн Дачная жизнь, или Исповедь Большевички

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349340

ISBN 9785448595257

Аннотация

Эжени Лихтенштейн. «Дачная жизнь, или Исповедь Большевички». Документальная проза. Воспоминания Нины Марковны Днепровой о ее жизни, комсомольской и партийной работе, об испытаниях тюрьмой, лагерем, ссылкой и о верности идеалам юности. Автор выражает искреннюю благодарность Ирине Глебовне Леблё-Шахгильдян и Иосифу Васильевичу Шахгильдян.

Содержание

ИСПОВЕДЬ БОЛЬШЕВИЧКИ	5
ДЕКОРАЦИИ	8
Пшённая каша с изюмом	11
ЕЁ МЛАДШИЙ СЫН	12
Киносценарий	16
«ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дачная жизнь, или Исповедь Большевички Эжени Лихтенштейн

А. Н. Грошев *Дизайнер обложки*

Н. П. Коноплева *Корректор*

© Эжени Лихтенштейн, 2021

© А. Н. Грошев, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4485-9525-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПОВЕДЬ БОЛЬШЕВИЧКИ

Название придумала она сама. Мне же нравится «Дачная жизнь». Потом я решила, что напишу эту «документальную повесть» только тогда, когда вернусь на свою тропу, то есть – я опять стану счастливой. И ни в коем случае – раньше. Ибо моя работа – это моя игра. Забава. И я – всегда! – сама себе госпожа.

Но план книги – я придумала заранее. Короткие главы. Неожиданные наблюдения, разговоры, истории, сценки из прошлого. И – без всякого «монтажа», – приезды её сыновей и внуков, знакомых и родственников, обыкновенная будничная подмосковная жизнь в посёлке «старых большевиков», которых я наблюдала, как представителей совершенно непонятного и чуждого для меня «племени».

Когда я по утрам гуляла в лесу или вечером возвращалась, покружив вокруг озера, мне встречались некоторые из них. Они всегда вызывали во мне, даже самые милые и добрые, настороженность. Я их не воспринимала – как нормальных людей. Это ведь они воспитывали нас, детей, в духе «классовой ненависти», вообще – ненависти. Не важно к кому: американскому империализму. Евреям. Буржуям. Гнилой интеллигенции.

Главное – ненавидеть непохожих на тебя и думающих и поступающих по-своему.

Я была (во всём!) абсолютно не совпадающим с ними человеком, но они почему-то были уверены, что имеют право распоряжаться моей жизнью и властвовать над моей душой. И за меня решать: какие книги мне читать, как одеваться, в каком городе жить и ... «И в Париж мне приезжать не нужно!» (Это они – за меня! – решили.) А я не могла жить без Парижа!

Однажды я спросила своего Героя, известного грузинского режиссёра: «Зачем он вступил в коммунистическую партию?» «Я хочу их понять. Если я их – оправдаю, я повешусь».

В то время я «болела» Грузией, грузинским театром, кинематографом, народными праздниками. Страна Сакартвело околдовала меня, и чтобы освободиться от её власти над моей душой и судьбой, я и решила – «записать воспоминания моей партийной тётки».

Это была идея моей дочери, студентки историко-архивного института. Почему я согласилась? Может быть, мне хотелось самой – «понять старых идеалистов, преданных идее мировой революции»?

Теперь, когда я набираю на компьютере эти строки, я – как в сновидение – опять вступаю... в то солнечное летнее утро, когда я садилась за машинку, за деревянным столиком в саду и печатала свои повести, рассказы и стихи. Ах, как мне легко и радостно работалось! Как пелось!

Разумеется теперь я понимаю: просто в то время я была

смертельно раненым человеком, вот почему так наивно поверила, что смогу выбить «клин клином», и чужая боль освободит меня от моей собственной. А вот «что подумают обо мне мои – «положительно-праведные родственники» меня абсолютно не волновало. Мне нужно было любой ценой вернуться в профессию.

Если бы не моя дочь, воспитанная в традициях историко-архивного института, я бы легко поставила фамилию не свою, а её – «Нина Днепровна». Но дочь строго заметила: «Автор тот, кто сам пишет свои воспоминания». И я – согласилась.

ДЕКОРАЦИИ

В доме, где мы обитали, нам принадлежала огромная комната, стеклянная веранда и заросший лесными цветами и травами участок сада. Несколько старых яблонь и кустов малины превратились в дикие, доживающие свой век, но всё равно плодоносящие живые существа. По утрам я гуляла в лесу. Там никого не было, иногда я приносила букет из лесных трав и полевых цветов. И она, улыбаясь, говорила: – «Как ты всё время стараешься украсить нашу жизнь! Почему ты решила жить со мной всё лето?» Я хотела ответить: «Потому что я... умерла. От любви. Сгорела. И теперь мне предстоит – восстать из пепла».

Но ведь я не выношу никакого нытья и потому весело:

– Может быть, так захотел случай, «си фата синант». Это – латынь. Почему я, вдруг, стала изучать латынь? В тридцать пять лет меняется генная программа, и вообще, «врождённые ключевые стимулы ВСЕГДА сильнее приобретённых». Почему запретили генетику? Да, потому, что если доминантный ген – аристократический, то при помощи рецессивного гена, вы можете приспособиться к любой среде. А вот если – доминантный ген – «плебейский», то попадая в среду аристократии или интеллигенции, человек – приспособиться к ней – не может! Кстати, страсть к знаниям – есть страсть – сугубо аристократическая, ибо никакой «житейской поль-

зы» – не приносит.

В каждой нации есть свои доминантные гены и своя генная память. Память крови. Почему еврейская молодёжь пошла в революцию? Если бы царская администрация послушалась Столыпина и рискнула отменить «черту оседлости», никто бы из еврейской молодёжи ни в большевики, ни в меньшевики, ни в анархисты, ни в эсеры – не пошёл. Они стали бы учиться, возделывать сады, играть на скрипке и рисовать картины. И ты бы, тётка – тоже.

Она внимательно выслушала мой монолог и задумчиво произнесла:

– Я часто думаю, интересно могла бы ты сочувствовать нашей партии? И честно сама себе отвечаю: «Нет!» И к троцкистам бы ты не присоединилась. И к анархистам тоже не примкнула. Знаешь – почему?

– Почему?

И вдруг, с неожиданной нежностью:

– Ты – босячка, ты ни в какой партии состоять не сможешь.

И помолчав, очень тихо:

– Но мужчины, которым ты посвящала стихи, тебя никогда не забудут! Если в жизни человека не было «большой любви» – он несчастный человек. Он даже не понимает, чего лишён. У меня была – «большая любовь», мой муж, Ваган. Мой единственный мужчина. Он был очень красивый, весёлый, щедрый, а как он танцевал! Но злых – не любил. Мне

очень его не хватает. Он был и мужем, и другом. И очень любил наших сыновей. Нашёл мне няню, чтобы я могла продолжать работать. И повышать свой культурный уровень.

Я смеюсь. Она озорно смотрит на меня.

– Что? Опять – политинформация?

– Но я же молчу!

– Ладно, я теперь верю, что твоя телепатия – существует.

Что будем на завтрак?

– Пшённую кашу с изюмом.

После обеда она соблюдала «час отдыха», а я отправлялась к озеру. Почему-то мне никогда не приходило в голову спросить у старожилов: «А чьим помещьем теперь владеют старые большевики? Кто раньше здесь жил? Кому принадлежали эти дачи? Это ведь они – „буржуи“ благоустроивали и лес, и озеро, играли в крокет и серсо, прогуливались под кружевными зонтиками, устраивали музыкальные вечера, приглашали друзей и знакомых на премьеры любительских спектаклей. И как раньше называлось это озеро с плакучими ивами по берегам?»

Пшённая каша с изюмом

Однажды с ней случился сердечный приступ, меня рядом не было, я, как всегда, после пяти часов отправилась гулять вокруг озера.

Иногда я, смеясь, говорила самой себе: «Что – захотелось сыграть роль бедной родственницы-компаньонки или скрыться ото всех? Неужели тебе действительно хочется – «записать её воспоминания»?»

Не могла же я и ей, и себе – признаться, что я просто «выбивала клин клином». Где-то я прочла: «Когда у тебя случается беда, помоги тому, кто нуждается в твоей помощи».

ЕЁ МЛАДШИЙ СЫН

– Жизнь вообще парадоксальна, – заметил однажды её младший сын, ректор института связи, академик, лауреат всевозможных государственных премий, честно служивший той самой советской власти, которую устанавливали его родители и которая расстреляла его отца.

– Почему именно тебе она рассказывает про свою жизнь? Вот именно – почему мне? – той самой «внутренней эмигрантке, тунейдке и антисоветчице», которая ещё в 1956 году на её вопрос: «Кто из поэтов тебе нравится?» – спокойно ответила: «Николай Гумилёв и Сергей Есенин».

Я ведь тогда ещё ничего не знала ни про Бориса Зайцева, ни про Владимира Набокова. Ни про Ивана Шмелёва, Михаила Осоргина, ни столь любимого мною Гайто Газданова. А про Зинаиду Гиппиус и Дмитрия Мережковского – вообще узнала уже в 90-е годы. И, отбирая эпиграфы к будущей книге, вдруг задержалась на точном высказывании Зинаиды Гиппиус:

– Нет, – повторила она, вздыхая, – Нет! Ты бы никогда не вступила ни в какую партию и даже сочувствующей – не была. Ты – не станешь никому подчиняться, у нас среди знакомых была одна такая же, дерзкая, из богатой семьи, красавица. На неё следователь стал кричать. Она подняла табурет и ударила его.

Она помолчала и совсем тихо сказала:

– Потом табуреты стали привинчивать к полу.

У меня не хватило смелости спросить: «А как, как её звали?» Но я не спросила. Не посмела спросить – ведь я только записывала чужие воспоминания. Только записывала!

Хотя иногда мне смертельно хотелось спросить её: «Неужели она не понимала, что все мы жили в рабовладельческом государстве?». Всё-таки она закончила институт «Красной профессуры». Считала себя историком. Нужно было её спросить про Достоевского, про «Бесов». Я заставила себя прочесть этот роман, хотя я – почти физически – не выношу Достоевского.

– Почему Вы не захотели сами записать всё, что пережили?

Она помолчала. И совсем тихо:

– Знаешь, Ваган не верит, что мы с тобой напишем книгу. Он вообще в меня не верит. А мне ведь «эти мальчишки» до сих пор снятся. И потом, партия решила, что не нужно больше вспоминать об этом. Признали свои ошибки. И всё! Молодёжь и так ни во что больше не верит.

(Я про себя: «Например, в мировую революцию»).

– А вообще – во что нужно верить?

– В справедливость. В равенство.

– Но ведь равенства – изначально быть не может! Кто-то рождается в любви и благополучии, а кто-то – в бедности и злобности. И потом – генная программа, хотите или нет,

но она же существует.

– Нужно перевоспитывать.

Меня всегда доводила до бешенства – эта их, большевиков – коммунистов – чекистов-начальников – «святая уверенность», что они всегда и во всём – правы. «Кто не с нами, тот против нас!» Кажется эта формулировка принадлежит Максиму Горькому «пролетарскому писателю». Я его возненавидела так, как если бы была лично с ним знакома. Но его пьесу «На дне» почему-то продолжала считать «одной из лучших».

Разумеется, я с ней – не спорила.

Спорить с ней было абсолютно бесполезно.

Во всём, что не касалось её убеждений, она была остроумным, добрым, тонким, щедрым, доброжелательным, – и на редкость талантливым человеком, деликатным и застенчивым. Меня поражала эта её непреодолимая убеждённость, что «они, большевики», имеют право диктовать всем и каждому: как жить, какие книги читать, с кем общаться, кого любить и кого ненавидеть.

Иногда я была почти уверена, что они все – «зомби», впрочем, она могла и не знать этого слова. Меня спасала, как ни странно, моя профессия. Я же «записывала чужие воспоминания», как если бы это было моим «послушанием». Даже если бы я не читала про все ужасы Лубянки, тюрем, концлагерей, я бы ВСЁ РАВНО их, коммунистов-чекистов-ленинцев-сталинцев – ненавидела. И – это я только потом – поня-

ла и «зауважала» себя – и я их – не боялась! Как меня поразило утверждение Аркадия Белинкова в его статье «Поэт и толстяк», посвященной творчеству Юрия Олеши: «Испугавшийся человек не может быть поэтом». И замечание Михаила Зощенко: «Писатель, который испугался? Это потеря квалификации».

«Да, вот это забывают обыкновенно, а это надо помнить: большевики – позор России несмываемое с неё никогда пятно, даже страданиями и кровью её праведников – несмываемое».

Киносценарий

Её младший сын, академик и ректор вуза, назвал своего сына именем деда. Ваган. И первое, что сделал его сын, как только началась перестройка, уехал в Англию. По контракту. Поразительно: третье поколение большевиков. И, кстати, чувствует себя там – превосходно. И возвращаться не собирается.

«ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»

Картинка: двор того самого дома, из которого её, мою партийную тётку, Нину Марковну Днепрову, родную сестру моего деда Наума Марковича Слуцкого, увели ночью, голубоглазые «ворошиловские стрелки», мы, стриженные наголо, вернувшиеся из эвакуации московские дети играем в «казак-разбойники». И я – попадаю в плен. Уже не помню – «кто – я «казак или разбойник». Но совершенно явственно вижу СЕБЯ в полосатом байковом платье, синем в белую полоску, платье, полученном – «по ордеру», я стою, прислонившись спиной к красной кирпичной стене. В двух сжатых кулаках – камни. И слышу свой голос: «Кто подойдёт – убью!»

И всегда ЭТО во мне присутствовало – непокорство. И – ненасытимая любовь к жизни, к Искусству, к изящной словесности, к Театру, к дальним странам. Ах, как мы с ней были похожи! Она запоем читала, память её – меня изумляла.

– Я всегда выписывала «Литературную газету», чтобы быть в курсе того, что происходит в мире. И детям своим внушала:

– Учиться только в Москве, на дневном отделении, быть отличниками, стремиться к вершинам знаний, чтобы приносить пользу своей стране.

Посмотрела на меня.

– Ты напишешь об этом? Я внушала им, что партия ни

в чём не виновата. Это были ошибки. Отдельных подлецов. Перерожденцев. Напишешь?

– От твоего имени, тётка, – ласково говорю я.

– Ты думаешь по-другому?

– Но я – не троцкистка. Не анархистка, и, уверяю тебя, – не «внутренняя эмигрантка» и даже – не диссидентка. Я – язычница и поклонница секты дзен. Это такая буддийская секта, которая имеет следующие постулаты. Рассказывать?

Она улыбается и покровительственно :

– Ты любишь учиться!

Я, подыгрываю: «Кабачки приготовишь?»

Она: «Со сметаной».

Вечером садимся напротив друг друга и начинаем работать.

– Каждый человек сам должен выбрать себе религию. У Юрия Левитанского есть такое стихотворение. Можно я его прочту?

(Она умела слушать. Она любила слушать, когда я читала ей стихи. Самых разных поэтов. И когда она, однажды попросила: «Прочти свои». Я, помня замечание Анны Ахматовой, «читать только ТРИ стихотворения», прочитала ей «грузинские стихи». Её молчание было для меня бесценной наградой.)

Она согласно кивает.

– Я выбрала идеалы партии, – сказала она, – а ты?

– А я – свободу. Но я бы в революционеры всё равно бы

никогда – не пошла. Хотя в школе очень любила читать Маяковского. «Стихи о советском паспорте».

– Расскажи про секту дзэн.

– Всего несколько постулатов. «Никогда не делай зла». Зло нельзя простить. Нельзя забыть. Нельзя выстрадать. Нельзя исправить. Посему – никогда не делай зла. Кстати, в христианстве один из смертных грехов «гнев». Теперь мои любимые: «Истина в случайном. Всё, что истинно – случайно». «Насилюя себя, ты насилуешь мир». «Общайся с посвященными». Далее следует объяснение. Трёхстишие. Хокку :

«Всё, что построено – разрушится, что выросло само – даст плоды». И наша с тобой книга, должна вырасти сама. Не нужно её придумывать. Торопить. Она рождается САМА. По закону и методу – «потока сознания». Как фильм Федерико Феллини – «8 1/2».

– Да, да, ты – права! Важен – конечный результат. А почему все родственники считают тебя – «лентяйкой»? Ты же каждое утро сидишь за машинкой. Потом что-то записываешь в свой синий блокнотик и много читаешь. И ты действительно очень образованный человек.

– Ну, насчёт «образованный» – это преувеличение. Я не говорю и не пишу, и не думаю – ни одним из европейских языков, а английский знаю на уровне кафе и магазина. А что касается мнения родственников, то на это, простите Нина Марковна, как говорили в нашем московском дворе – мне «трижды наплевать». У меня в жизни было две студии, теат-

ральная и литературная, меня там любили, уважали и ценили. Как личность. И внушили:

«Ты – талантлива, и только от тебя зависит – сохранишь ты свою «искру Божью или нет». Вот я всю жизнь и занималась своим талантом. И слушала его. Вот теперь, не знаю – почему и зачем, но мне необходимо «записать Ваши воспоминания» и может быть., мои. комментарии. Не уверена, что они нужны. Но – в любом случае, книга будет разделена на главы.

– А что ещё ты можешь рассказать про свою японскую секту?

– Иногда я думаю, откуда во мне такая необъяснимая любовь – к Франции, Прибалтике и Японии. Это – прапамять. Генная память. Имя – Жанна. Французское. Зародили меня на Дальнем Востоке, рядом – Япония. Знак Зодиака – Стрелец. Главное для Стрельцов – независимость. Мне было интересно разгадывать себя. И свои пристрастия. Но я – страдала от нелюбви ко мне моих близких и дальних родственников, пока не поняла: «Чувства – они взаимны». Вот почему: «Насильно мил – не будешь». Я тебе, тётка, расскажу про Японию, про Сэй-Сёнагон, придворную даму и поэтессу. Однажды ей подарили кипу прекрасной рисовой бумаги. И она стала записывать свои наблюдения. Впечатления. Дневниковые записи. И – представляешь, в год моего рождения, кто-то обнаружил в архивах её «Записки у изголовья». А она написала их в ДЕСЯТОМ – веке! А потом, совершенно случайно,

эта книга попала ко мне. Я всем друзьям дарила эту книгу. Так что, главное в жизни – написать, а там: «Без меня книга пойдёшь ты в Город» и «У книг – своя судьба». Латынь. Я сначала не могла понять – почему в советской школе не преподавали латынь? А потом догадалась! Латынь способствует чувству собственного достоинства. Это ведь был язык римлян. «Все дороги ведут в Рим». А зачем советскому человеку, рабу, «чувство собственного достоинства», когда у него в любой момент могут отнять всё: жизнь, семью, даже память о нём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.